

Р.Штайнер, ПСС №186 «Основные социальные требования нашего времени в изменившихся условиях»

Лекция от 1 декабря 1918 г.

В ходе наших рассмотрений необходимо, как мне представляется, бросить короткий взгляд на тот образ, какой должно иметь социальное мышление современности. Я бы хотел сегодня к уже сказанному добавить кое-что такое, что позволило бы вам подняться, в рассматриваемых нами вещах, на уровень выше, что, в связи с особыми требованиями духа нашего столетия, является совершенно необходимым. Все те вещи, о которых я говорил и ещё буду говорить — я бы хотел это ещё раз повторить, — я прошу вас рассматривать таким образом, что в них не содержится критики времени и его отношений, но, главным образом, даётся материал для выработки суждений, материал, имеющий единственную цель: сформировать основу для пронизательного наблюдения происходящего. Духовнонаучной точкой зрения не может быть та, которая занята социальной критикой, но единственно только та, которая без пессимизма и оптимизма указывает на происходящее в действительности. При этом, конечно, приходится пользоваться словами, которые, естественно, то стой, то с другой стороны, воспринимаются как критика тех или иных общественных классов. Но это не так. Если здесь говорилось о буржуазии, то говорилось как об исторически необходимом явлении, а не с целью выдвинуть упрёк против того, что ведь с определённой духовнонаучной точки зрения было просто необходимостью. Так прошу я Вас понимать вещи, о которых я буду сегодня говорить.

Прежде всего, мы пойдём от того всеобъемлющего импульса, который во всех или в большинстве массовых движений, а также и в пролетарском социальном требовании, выражен в какой-то мере сознательно, а какой-то мере бессознательно, инстинктивно, спутано и туманно; но в то же время он достаточно твёрдо лежит в их основе. Этот импульс состоит в стремлении, исходя из определённого идеала, образовать социальный строй, который был бы со всех сторон удовлетворительным. При этом, если прибегнуть к радикальной — а значит фальшивой — характеристике, то, что лежит здесь в основе, то можно было бы сказать: люди хотят придумать и построить такой социальный строй, который бы стал раем на Земле или, по меньшей мере, принёс с собой для всех возможность вести человечески достойную, счастливую жизнь; такой строй рассматривается пролетариатом в наше время как достойный того, чтобы к нему стремиться — его осуществление называют "решением социальных вопросов", и то, о чём я вам уже говорил, инстинктивно скрывается за таким "решением социальных вопросов".

Так вот, в отношении этого "решения социальных вопросов" необходимо, чтобы представитель духовной науки, не предающийся иллюзиям ни в какой сфере, но считающий себя обязанным всегда пробиваться к действительности, также и здесь никаким иллюзиям не предавался. Ибо именно в этой сфере часто случается, что человек деятельный или стремящийся к пониманию, пребывает на точке зрения, не свободной от иллюзий, на точке зрения, обременённой множеством иллюзий и, прежде всего, содержащей в себе основную иллюзию, *будто социальные вопросы можно решать*.

Это происходит, до некоторой степени, потому, что наше время не имеет никакого понятия о разнице между физическим планом и духовным миром, что это наше время, до некоторой степени инстинктивно считает физический план за единственный мир, и что на этом физическом плане можно наворожить рай. Поэтому оно вынуждено верить, что человеку суждено либо нигде не найти справедливости, гармонизации своих желаний и потребностей, либо найти их внутри физического земного бытия. Но тому, кто рассматривает мир имажинативно, кто, таким образом, приходит к истинной

действительности, физический план являет себя иным, и о нём можно сказать: в нём нет никакого совершенства, а лишь одно несовершенство. Поэтому об окончательном решении социальных вопросов вообще невозможно говорить. Вы бы могли, если хотите, из глубочайшего познания попытаться решить социальные вопросы, но они ни в коей мере не разрешимы в том смысле, как это предлагают сегодня очень многие люди. Однако отсюда не следуем, что люди должны сказать себе: Ну, раз социальные вопросы не разрешимы, то оставим всё, как есть, предоставим всему старому вздору возможность существовать и далее.

Дело тут обстоит так, как при качании маятника: сила, отклоняющая его в одну сторону, становится силой, отклоняющей его затем в другую. Таким образом, как при отклонении маятника скапливается сила, влекущая его затем в обратном направлении, так нечто подобное происходит и в исторической жизни человека. Любой социальный строй, который вы считаете подходящим или даже наилучшим для какой-либо эпохи, приходит через некоторое время, если вам удаётся его осуществить, в расстройство. *Эволюция не идёт по равномерно восходящей линии, эволюция проходит через отливы и приливы, она волнообразна.* И то лучшее, чего вам удаётся добиться на физическом плане, само вызывает через некоторое время силы, которые его же уничтожают. И дела человеческие обстояли бы совсем иначе, если бы был распознан этот *неумолимый закон исторического развития*. Тогда бы не думали, что можно основать на Земле рай в абсолютном смысле этого слова, но были бы вынуждены всмотреться в циклический закон человеческой эволюции. И если хотят дать абсолютный ответ на вопрос: какой должна быть социальная жизнь? — то правильно сделают, дополнительно спросив: что должно быть сделано для нашего времени? Чего требуют импульсы именно *нашей, пятой послееатлантической культурной эпохи!* Что здесь должно быть внесено в действительность? — Когда осознают, что всё, что бы ни делалось, будет в ходе циклических переломов вновь уничтожено, тогда смогут понять, что *социально мыслить можно лишь в относительном смысле*, распознавая импульсы развития каждой конкретной эпохи. Нужно работать с действительностью. Человек работает против действительности, когда считает, что с помощью абстрактно-абсолютных идеалов в ней можно сделать что-то полезное.

Для сторонника духовной науки, желающего иметь дело с реальностью, а не с иллюзией, вопрос сводится к следующему: что хочет реализовать себя непосредственно в данной действительности?

В смысле такого вопроса были сделаны и вчерашние сообщения, и вы истолкуете меня совершенно ложно, если подумаете, будто я считаю возможным построить вечный рай, если отделить заработную плату от работы. Ничего подобного! Я говорил, исходя как из необходимости, из глубокого закона того человеческого развития, которое должно иметь место теперь. Ибо позади того, что люди имеют в сознании, к чему тяготеет пролетарское жизнепонимание, если даже временами оно выставляет столь радикальные требования, как те, о которых я вам вчера рассказывал, как о большевистских требованиях, — позади всего этого лежит то, что люди хотят осуществить инстинктивно. И кто считается с действительностью, не станет предлагать программы, в том числе и русский Совет республик, но займётся тем, постарается вникнуть в то, что сегодня инстинктивно стоит за подобными вещами, о которых внешне звучит один только лепет. Вот, собственно говоря, в чем заключается всё дело; и кто в нем не разберётся, тот ничего и не поймёт. То, к чему стремятся инстинктивно, заложено в самом характере нашей пятой послееатлантической эпохи, которая существенно отличается от предыдущей, четвёртой, греко-латинской и, тем более, от третьей, египетско-халдейской эпохи. В социальных отношениях люди сегодня должны — не как отдельные, индивидуальные существа, но в социальных отношениях — там, где они выступают группой, хотеть чего-то совершенно определённого. И они хотят этого инстинктивно. Они хотят того, чего в четвёртой послееатлантической эпохе, вплоть до

XV столетия нашего христианского летосчисления, они не могли хотеть. Они хотят достойного человека бытия, что означает: они хотят, чтобы в социальной структуре было отражено исполнение того, что в нашу эпоху является идеалом человечества. Люди сегодня инстинктивно хотят, чтобы *то, чем является человек, было отражено в социальной структуре.*

Такого не было в третьей послеатлантической, в египетско-халдейской эпохе. Также и во второй эпохе все было иначе. В ту вторую, то есть в древнеперсидскую эпоху, человек ещё целиком пребывал в своём внутреннем, человек тогда был всецело внутренним существом. Он тогда не внешне, а инстинктивно стремился распознать в мире то, что он имел внутри себя как потребности; человек тогда не требовал никакой социальной структуры, которая позволила бы ему вовне познавать то, что внутри его жило как желания, инстинкты, потребности. Затем пришла третья послеатлантическая эпоха, египетско-халдейская. Здесь человек потребовал, чтобы одна часть его существа являлась ему как отражение во внешней социальной действительности, а именно та, которая связана с головой. Поэтому мы видим, как начиная с третьей послеатлантической, египетско-халдейской эпохи, осуществляется поиск теократического социального устройства, способного все стороны жизни пронизать теократически-религиозным принципом. Всё остальное тогда оставалось ещё инстинктивным.

Всё, относящееся ко второму человеку, к грудному человеку, к человеку дыхания, а также относящееся к человеку обмена веществ — всё это оставалось инстинктивным. Тогда человек ещё не думал о том, чтобы каким-то образом смотреться в зеркало внешнего социального устройства. В древнеперсидскую эпоху существовала только инстинктивная религия, ведомая посвященными зараостризма. А всё то, что развивал человек, было ещё внутренне инстинктивным. У него ещё не было потребности рассматривать вещи внешне, в отражении, в социальной структуре. Только во время, окончившееся, примерно, основанием древней Римской Империи — это 747 год дохристианского летосчисления, — только во время, предшествовавшее этому году, человек начал требовать, чтобы в социальном строе можно было находить то, что как мысли жило в его голове.

Затем пришла эпоха, начавшаяся в восьмом столетии, в 747 г. дохристианского летоисчисления и окончившаяся в XII столетии христианского летоисчисления, греко-латинская эпоха. Здесь человек потребовал, чтобы внешне в социальной структуре отразились два члена его существа: головной и ритмический человек, или человек дыхания, грудной человек. Отражаться должно было и древнее теократическое устройство, но теперь лишь в отголоске. Фактически все теократические устройства имеют много общего с теократией третьего послеатлантического периода, в том числе и католическая церковь. В четвёртой послеатлантической эпохе в дополнение к тому, что пришло из предыдущей эпохи, возникло нечто новое: внешнее учреждение — *республика*, такое учреждение, которое строило своё управление внешней жизнью на основе права и тому подобного. Человек требовал, чтобы два члена своего существа он не только носил в себе, но мог бы их видеть отражёнными извне. Вы не поймёте, если не будете знать, что жизнь обмена веществ, которая выражается в экономической структуре, оставалась в ней инстинктивной, внутренней, и внешнего её отражения тогда не требовалось. Тенденция же требовать для этого также и внешнего выражения, впервые выступила начиная с XV столетия христианского летоисчисления. Изучите историю, какой она является в действительности, а не легенды о ней, фабрикуемые нашей так называемой исторической наукой, и вы найдёте внешние подтверждения того, что я вам сообщал на оккультных основаниях о рабстве в Греции, без которого греческая культура, которой мы так восхищаемся, немислима. Всё, о чём я вам сейчас говорю, вы найдёте в социальной структуре четвёртой послеатлантической эпохи, где господствует стремление иметь вовне правовое,

религиозное общественное устройство, но не более, чем инстинктивное — экономическое устройство.

И только в нашу эпоху, начавшуюся в XV столетии по Р.Х. впервые выступает требование видеть всего трёхчленного человека, отражённым во внешней социальной структуре, внутри которой он находится.

Таким образом, сегодня мы должны изучать трёхчленного человека, поскольку он развивает трёхчленный инстинкт: иметь во внешней структуре, в общественной структуре то, о чём я вам говорил: во-первых, духовную сферу, самоуправляющуюся, с собственной структурой; во-вторых, сферу безопасности и государственного управления, политическую сферу, которая, опять-таки, является самостоятельной; в-третьих, экономическую сферу, внешняя организация которой впервые потребовалась в наше время. Видеть человека, реализованным в образе социальной структуры — это, как инстинкт, впервые выступает в нашей эпохе и является глубоким основанием того, что простой экономический инстинкт больше не действует, но тот экономический класс, который возник впервые, пролетариат, стремится к тому, чтобы сознательно создать внешнюю экономическую структуру, подобно тому, как четвёртая послеплатантическая эпоха создала административную, правовую структуру, а третья, египетско-халдейская — теократическую.

Таково внутренне основание, дорогие друзья. А теперь, если вы разглядите это внутреннее основание, то сможете правильно судить о современных отношениях. Тогда вы также поймёте, почему восемь дней тому назад мне было нужно изложить вам сущность трёхчленного социального строя. Он, поистине, не выдумка, подобно тем программам, что изобретаются сегодня бесчисленными обществами, но исходит из тех сил, которые можно наблюдать, если обратиться к действительности эволюции. Этого можно достичь, если действительно конкретно и объективно понять эволюционные импульсы, действующие в развитии человечества. Время понуждает к такому пониманию. Только люди этому противятся. Любопытные наблюдения можно здесь сделать. Совсем недавно появились "Письма одной дамы к Вальтеру Ратенау. Трансцендентальное грядущее". В этой книге говорится о самых разных вещах, например следующее: "В настоящей книге публикуется одно значительно воззрение, изложенное в письмах... Предрасположенная к видениям дама, сообщает в них издателю этой книги о своих необычных переживаниях, о том, что она знает душу времени и новое развитие мира. Силы будущего, борющиеся сегодня за возвышенный облик мира, являют здесь себя в отдельной человеческой судьбе как переживаемая действительность новых душевных сил".

Весьма примечательно, что там говорится об очень многих вещах, но весьма курьёзным образом. Дама в своих рассуждениях исходит из того, что человек должен развить высшие духовные способности, и только тогда он сможет увидеть истинную действительность. Книга заканчивается главой под названием "Заключительные космические рассматривания мировой души и человеческой души", но дело в ней не идёт дальше того взгляда, что человек может иметь некоторые высшие способности; её автор не доходит до того, чтобы сказать, что же именно видит человек с помощью этих высших способностей. Получается вроде того, как если бы человека поучали, у тебя есть глаза, — но не говорили бы ничего о том, что он может этими глазами увидеть в действительности.

Примечательно также, какая позиция по отношению к духовной науке занимает сегодня некоторыми людьми. Они шарахаются прочь, когда при них начинают говорить о том, что

же всё-таки можно увидеть. Упомянутой писательнице можно бы было сказать: "Ты придерживаешься того мнения, что в человеке могут быть развиты высшие способности; духовная наука существует здесь для того, чтобы говорить о *том, что же* именно видят в важнейших вещах, когда высшие способности бывают развиты. — Но люди отшатаются от этого, они не могут этого слышать".

Вы видите, как время тянется именно к тому, к чему хочет идти духовная наука, и как при этом в людях уживаются вместе вещи, о которых я говорил в моей последней статье "Люциферическое и ариманическое и их отношении к человеку" [*Эту статью можно найти в сборнике "Философия и антропософия. Статьи 1904 - 1923 годов". [ИПН. 35.](#)], опубликованной в журнале Александра фон Бернус "Царство". Получается так, что люди, признающие, собственно говоря, возможным для человека видеть духовную действительность, считают фантастами тех, кто теперь говорит об этой духовной действительности, о той действительности, которую они признают за истинную и которую человек может видеть. И подобные вещи могут сожительствовать в одной и той же душе.

Я упомянул ту даму, поскольку она не единственное явление. Выступающее в ней, выступает и во многих других случаях, ибо характерным является как раз то, что людей влечёт взглянуть выше обычной внешней действительности, но их не хватает на то, чтобы захотеть этого всерьёз, чтобы желаемое осуществить. Представьте себе, в той книге говорится, например, о том, что человек имеет определённое родство с космическими силами. Но только всё равно нельзя идти к людям и сообщать им то, что об этом говорится в моём "[Очерке тайноведения](#)"! Они от этого шарахаются. Однако социальных явлений, в том смысле, как я вам о них говорю, не понять, если вдаваться лишь в то, что можно увидеть, и игнорировать всё, чего увидеть нельзя. А увидеть невидимое бесконечно важно. Иначе будут постоянно впадать в ошибки подобные той, о которой я сегодня говорил в самом начале, что действительное в отдельном, индивидуальном случае абсолютизируют, что, например, задаются таким социальным вопросом: как ввести единое общественное устройство для всех людей на Земле? Ведь это пустой вопрос. Люди на Земле не одинаковы. И как раз в будущем различия между ними, несмотря ни на какой интернационализм, будут проявляться всё более и более. А в результате получается, что от действительности наиболее удалены мысли того, кто полагает, будто можно одинаково заниматься социализацией что в России, что в Китае, что в Южной Америке, Германии или Франции.

В таком случае абсолютные мысли высказывают там, где действительности соответствуют единственно лишь индивидуальные, относительные мысли. Исключительно важно иметь это в виду.

Большую боль пережил я в последние годы, когда столкнулся с фактом, что в местах, где эти вещи должны бы были понять, их не понимали. Вспомните, как два года тому назад я показывал здесь карту, которая теперь реализована в действительности. Я показывал её не только вам. Я хотел, чтобы об этой карте тогда узнали, чтобы можно было объяснить, что с некоторой стороны идут определённые импульсы, а существует закон, по которому, если о тех импульсах будут знать, если в них вдумаются, если их примут в сознание, то тогда в них можно будет внести *поправки*, тогда им можно будет дать *иное направление*. Очень важно их понимать. Но не удалось найти никого, кто бы захотел к этому прислушаться, кто бы захотел разобраться в этих вещах, кто бы эти вещи принял действительно всерьёз. А что их нужно было принимать всерьёз, об этом свидетельствуют сегодняшние события.

Тут ещё необходимо принять во внимание тот факт, что знание некоторых краеугольных законов мировой эволюции в широком охвате, такое знание, которое сегодня деятельно выступает также и вовне, существует, в какой-то мере, только в некоторых тайных обществах народов, говорящих на английском языке. Это исключительно важный факт, который нужно принять во внимание. Тайные общества других народов занимаются, в сущности говоря, одним пустозвонством. Зато тайные общества говорящих по-британски народов являются теми центрами, в которых с помощью определённых методов, о которых я когда-нибудь может быть расскажу, но сегодня это увело бы нас далеко от темы, добываются истины, в соответствии с которыми затем можно направлять политические события. Таким образом, можно сказать: силы, притекающие из тех тайных обществ в политику Запада, со знанием дела ставятся в связь с историей. Там считаются с законами исторического развития. Нет нужды внешним образом ставить все точки над "и", суть дела сводится к вопросу: со знанием ли дела или дилетантски, под влиянием произвольного случая, обращаются с законами исторического развития.

Крайне дилетантской, покинутой Богом была, например, политика Средней Европы. Не дилетантской, проводимой со знанием дела, профессиональной — если воспользоваться обывательским выражением — была политика по-британски говорящих народов, политика Британской Империи и её американского придатка.

Тут перед нами большая разница, нечто в высшей степени значительное, что нужно иметь в виду. Значительно оно по той причине, что известное в тех кругах, уже вливается в действительность. Оно вливается в инстинкты тех людей, которые вовне представляют политику и действуют только из политических инстинктов. За ними стоят силы, о которых я вам теперь говорю. Незачем спрашивать, являются ли Нортклиф или сам Ллойд Джордж* в той или иной степени посвященными в эти силы. Речь идёт не об этом, а о том, могут ли они поступать в духе тех сил. [*Виконт Нортклиф (Альфред Чарльз Вильям Хармсворт) (1865 — 1922). Давид Ллойд Джордж (1863 — 1945), с 1909 года — министр, в 1917 — 22 гг. — премьер-министр.]

Вам достаточно лишь увидеть, что их инстинкты на самом деле действуют в направлении тех сил. Да, так это и происходит. Указанные силы действуют в направлении мировой истории. Это существенно. Благоотворно действовать во взаимосвязях мировой истории можно только в том случае, если со всей серьёзностью воспринять всё то, что здесь говорится о происходящем в мире. Силой обладает только тот, кто действует или позволяет действовать в смысле подлинной истории мира, а действия того, кто ничего не знает — лишены силы. Таким образом, сила побеждает бессилие. Таково внешнее свершение. Победа силы над бессилием сводится, в конце концов, к разнице между *знанием и незнанием*. Это необходимо иметь в виду.

И важным является то, что хаос, подготовляющийся теперь на Востоке и в Средней Европе, с одной стороны, показывает, как ужасно было всё то, что хотело в этом хаосе основать государственный строй и что теперь сметено; а с другой стороны — стало ясно, что происходящее в Средней и Восточной Европе обнаруживает во внешней жизни полнейший дилетантизм относительно этих вещей. На Западе, у ряда народов, говорящих по-английски, дилетантизм не господствует, там повсюду господствует — если, опять же, воспользоваться обывательским выражением — компетентное обдумывание этих вещей.

Но ведь это является, в то же время, тем, что даст истории её облик в ближайшие десятилетия. И можно ещё более высокие идеалы выставлять в Средней и Восточной Европе, можно иметь добрую волю, выступая с теми или иными программами, но со всем этим нечего делать до тех пор, пока не научатся исходить из тех импульсов, которые черпаются с той стороны порога сознания, чем, в конце концов, и занимаются на Западе, в среде говорящих по-британски народов; они свои импульсы берут по ту сторону порога сознания.

Те друзья, которые, по меньшей мере, слышали те вещи, о которых я говорю уже годами, как это делаю и сейчас перед вами, постоянно совершали в этом отношении одну ошибку, сбивавшую, как правило, с толку так же и наших лучших Друзей, ошибку, происходящую из следующей мысли: что толку говорить людям о том, что из определённых тайных Центров Запада исходят те или иные вещи, если, прежде всего, им нужно ещё привить веру в то, что такие тайные общества существуют. Это то и дело рассматривается как фундаментальная задача: пробуждение веры в существование подобных тайных обществ. Но не на это следует обращать внимание в первую очередь. Вы можете совсем мало рассчитывать на любезный приём, если государственному деятелю калибра Кюльмана[* Рихард фон Кюльман (1873—1948), в 1917—1918 гг. - государственный секретарь по иностранным делам.] захотите объяснить, что имеются тайные общества, осведомлённые о подобных импульсах. Дело совсем не в этом.

Ошибку совершают как раз тогда, когда это рассматривают как основополагающее. А рассматривают это как основополагающее по той причине, что среди антропософов всё ещё обитает, происходящий из старого теософского общества, обычай заниматься торгашеством тайнами. Считают, что если слово говорится таинственно или оккультно, что если можно сослаться на нечто тайное или оккультное, то этим приобретают особое уважение. Но таким образом ничто не действует плодотворно, когда речь идёт о внешней действительности. Задача заключается в том, чтобы указать на то, как совершаются события, указать просто на то, что доступно пониманию каждого, кто обладает здоровым человеческим рассудком.

Внутри тех обществ, где занимаются подобными оккультными истинами, претворяющимися в жизнь, высказывался, например, такой тезис: нужно следовать такой политике, что, когда для пользы русского народа русский царь будет свергнут, то в России должна быть создана возможность осуществить социалистический эксперимент, который нельзя осуществлять в западных странах, ибо здесь он представляется невыгодным, нежелательным.

Поскольку я говорю вам, что такое было сказано в тайных обществах, вы можете в этом сомневаться. Но если указывается на то, как все политические тенденции осуществляются таким образом, что этот тезис реализуется в жизни, то тогда с обычным здоровым человеческим рассудком стоят в самой действительности, а всё дело заключается в том, чтобы пробудить понимание действительности.

Происходящее в России есть, в сущности говоря, реализация того, чего хотели на Западе. И то, что этот столь неуклюжий социалистический эксперимент осуществляется не англичанами, что всё там идёт вкривь и вкось, — это прекрасно знают в тех обществах, и

голова у них об этом особенно не болит, ибо они знают, что эти страны должны быть доведены до того, чтобы там стал необходимым социалистический эксперимент. — А тогда, оставив их в неведении о сущности социального строя, им введут нужное социальное устройство, тогда можно будет самим править социалистическим экспериментом.

Вы видите, что в скрытии определённым образом оккультного знания, о чём весьма много заботятся в тех центрах, заложена огромная сила. И против этой силы нет никакого спасения, кроме познания, которое может быть приобретено с другой стороны и противопоставлено этой силе. В этой сфере не говорят о виновности и невиновности, в этой сфере просто говорят о необходимости, о вещах, которые должны прийти, поскольку они теперь уже пребывают в подосновах, в области сил, и если они ещё не стали явлением, то всё равно они уже обладают силами, действительностью и станут явлением.

Вряд ли стоит ещё подчёркивать, что я постоянно утверждаю, что существо немецких народов не может быть уничтожено. Это существо немецких народов должно искать свой путь. И дела как раз обстоят так, что оно может найти этот путь, но не должно его искать на ложных путях, на путях невежества.

Итак, отметьте себе, то, о чем я сейчас рассказываю — оно не противоречит сказанному мною в последние годы, ибо вещи имеют две стороны, — во многих отношениях обладает волей. И она может быть парализована, если в игру вступят силы с другой стороны; но нужно опираться на знание, а не на дилетантское невежество.

Видите ли, суть дела заключается в следующем: если с Востока — а под Востоком я имею в виду всё то, что простирается на восток от Рейна и далее в Азию — не возникнет никакого отпора, то британское мировое господство, с распадом романско-латинского, французского элемента, разовьётся в соответствии с намерениями тех сил, которые я сегодня, как уже не раз в прошлом, обозначил как стоящие за инстинктами. Они стоят за инстинктами. Поэтому нужно, чтобы с тем мышлением, к которому так приучены люди, не делалось всё то, что говорит Вудро Вильсон, но нужно с глубоким знанием постигать всё то, что, собственно, в таких людях, как Вудро Вильсон, выступает лишь в инстинктах и чем, затем, облекая во всевозможные формы, соблазняют людей, но, что только потому исходит из той или иной души, что эта душа определённым образом одержима подсознательными силами.

Дело ещё в том, что в кругах Запада, держащих в тайне знание, зорко следят за тем, как образуются определённые вещи, приводящие *при любых обстоятельствах* к господству Запада над Востоком. Люди сегодня, исходя из своего сознания, могут говорить всё, что им хочется, но в мире есть стремление основать *касту господ на Западе и хозяйственную касту рабов на Востоке*, который начинается от Рейна и простирается далее в Азию. Имеется в виду каста рабов не в древнегреческом смысле, но экономическая каста рабов, каста рабов, которая должна быть организована социалистически, социальная структура которой должна принимать самые невероятные формы; но эти формы не должны затем применяться в среде народов, говорящих по-английски.

Дело сводится к тому, чтобы народы, говорящие по-английски, сделать господами земли.

Да, той стороной это мыслится во всеобъемлющем смысле. И вот теперь я подошёл к тому, чтобы объяснить нечто такое, что я прошу вас воспринять в полном сознании: когда сегодня высказываются подобные вещи, то это делается под давлением событий времени и *легкомысленное к ним отношение поистине не позволительно*. То, что я здесь рассказываю, тщательно сохраняется в тайне теми центрами на Западе, на которые я часто указывал. И на Западе считается само собой разумеющимся, что люди на Востоке не должны ничего знать о

тех вещах, которые, как я ранее говорил, с помощью определённых методов, о которых я возможно ещё расскажу, становятся известными этим центрам, поскольку, сохранив их в тайне от других — и единственно лишь с помощью этого, — они хотят с их помощью основать мировое господство.

Видите ли, начиная с пятой послеатлантической эпохи в эволюции человечества поднимаются совершенно определённые силы. Человечество ведь развивается вперёд. В рамках короткого промежутка времени, рассматриваемого антропологически или исторически внешней материалистической наукой, совершенно невозможно выработать суждение о силах, существующих в человеческой эволюции. Ибо в этих маленьких промежутках времени, в которых антропологически или исторически наблюдается внешнее становление, происходят только очень небольшие изменения. Эта наука не знает, насколько всё выглядело иначе, например, во второй эпохе, не говоря уже о первой, или о ещё более ранних эпохах. Об этом можно узнать только с помощью духовной науки. И также только с помощью духовной науки можно указать на те силы, которые в будущем разовьются из человеческой природы совершенно элементарным образом. И о том, что такие, преобразующие жизнь на Земле, силы разовьются из человека — об этом знают в тех тайных центрах. И это хотят скрыть от Востока, это знание они хотят иметь только сами. И им известно так же, что эти силы дают три рода способностей, которые сейчас имеются у людей лишь в самом первоначальном зачатке. Они так разовьются из человеческой природы, как в ходе человеческой эволюции развились другие способности.

Я должен рассказать вам об этих трёх способностях, о которых знают в тех тайных центрах, и следующим образом сделать для вас понятным то, как они будут развиваться в будущем в человеческой природе. Во-первых, это способности к так называемому *материальному оккультизму*. Через эти способности — и это является идеалом британских тайных обществ — определённые социальные формы, лежащие сегодня в основе индустриализации, должны быть поставлены на совершенно другую основу. Это известно каждому знающему члену этих тайных кругов, что благодаря лишь неким способностям, которые развиваются, но сегодня ещё скрыты в человеке, машины и всякого рода механические устройства в большом количестве могут приводиться в движение посредством *закона созвучных колебаний*. Небольшое указание на это вы можете найти в том, что в моих Драмах-Мистериях связано со Штрадером.

Эти вещи находятся сегодня в становлении. Тайные круги в области материального оккультизма сохраняют эти вещи в тайне. Возможно создание двигателей, которые благодаря тому, что будет известна соответствующая кривая колебаний, с помощью совсем незначительного влияния со стороны человека смогут быть приведены в движение на предприятиях. Благодаря этому большое количество потребляемой сегодня человеческой силы может быть заменено чисто механической силой. Сегодня на Земле живёт тысяча четыреста миллионов человек, но работы производится больше, чем её могут произвести эти тысяча четыреста миллионов — я об этом однажды уже говорил; чисто механическим путём производится столько работы, сколько её могло бы произвести, живя на Земле, две тысячи миллионов человек. Эту остальную работу производят машины, и не будь их, на Земле для исполнения этой работы должно бы было жить людей на шестьсот миллионов больше. Но если то, что я вам называю механическим оккультизмом, вступит в сферу практической деятельности — что составляет идеал тех тайных центров, — то с помощью тех машин будет исполняться работа не пяти-шести сотен миллионов человек, а более

тысячи миллионов человек. Благодаря этому в среде народов, говорящих по-английски, сложатся условия, при которых девять десятых человеческой работы окажется не нужной. Но механический оккультизм не только позволит обходиться без девяти десятых рабочих рук, исполняющих работу сегодня, он так же позволит парализовать всякий протест неудовлетворённых человеческих масс.

Способность приводить в движение машины на основании закона созвучных колебаний — эта способность в широких масштабах развивается у народов, говорящих по-британски. Это знают в тех тайных кругах. Это знание расценивается ими как дающее власть над остальными народами Земли в ходе пятой послеатлантической эпохи.

Но в тех кругах знают и кое-что другое. Там знают, что имеются ещё две способности, которые также будут развиваться. Одну из них я бы назвал *евгенической* способностью. Эта евгеническая способность будет развиваться преимущественно у людей на Востоке, у народов России и её азиатских окраин. И в тайных кругах Запада также знают, что евгенический оккультизм не может быть развит из врожденных задатков народов, говорящих по-британски, но именно из врождённых задатков азиатских и русских народов.

Эти факты знают в тайных кругах Запада и считаются с ними. С ними считаются как с импульсами, которые в будущем развитии станут действенными. Евгеническими способностями я называю изъятие человеческого размножения у случая и произвола. У народов Востока разовьётся инстинктивно прозрачное знание того, как параллельно определённым космическим явлениям действует закон размножения, роста населения; как, будучи в созвучии с определёнными звёздными конstellляциями, управлять зачатием и благодаря этому создавать побуждение ко вхождению в земное воплощение добрым или злым душам. Только те люди, которые образуют расовое и кровное продолжение азиатских народов, смогут обрести способности в отдельности наблюдать, как то, что сегодня хаотически, по произволу действует по всей земле — зачатие, рождение, — можно в каждом отдельном конкретном случае привести в созвучие с великими законами Космоса. Здесь речь идёт не об абстрактном законе, а о приобретении конкретной способности, которая в каждом отдельном случае позволит знать: сейчас должно произойти зачатие или сейчас не должно происходить зачатия.

Это знание, которое будет в состоянии приносить с неба импульсы для морализации или деморализации Земли с помощью самой человеческой природы, эти особые способности разовьются как продолжение способностей, приносимых кровью, у рас Востока, и то, что там разовьётся как такие способности, я называю евгеническим оккультизмом. Такова вторая способность, которая воспрепятствует эволюции человечества протекать, в отношении зачатия и рождения, по произволу, в большей или меньшей зависимости от случая. А теперь посмотрите на колоссальные социальные последствия, на колоссальные социальные импульсы, которые возникают при этом! Эти способности скрыты. В тех тайных кругах народов, говорящих по-британски, хорошо знают, что эти способности разовьются у народов Востока. Знают, что сами с помощью врождённых задатков они их приобрести не смогут. Знают так же, что Земля не сможет достичь своей цели, не сможет перейти в состояние Юпитера, более того, Земля даже сравнительно скоро могла бы отклониться от своей цели, если работать только с силами Запада. Если работать только с механическими оккультными способностями Запада, то постепенно смогло бы развиваться лишь утратившее душу население Запада; оно утратило бы её на сколько только это возможно.

Это знают. Поэтому внутри своих кругов они стремятся развить то, что может быть развито с помощью своих способностей: механический оккультизм, и при этом они стремятся к

господству над теми народами, которые развивают евгенический оккультизм. Каждый знающий в тайных кругах Запада говорит: "Нам необходимо господствовать, например, над Индией на том основании, что только на продолжении того, что приходит с индийской телесностью — если это соединить с тем, что на Западе идёт совершенно в ином направлении, в направлении механического оккультизма — возникнут тела, в которые смогут воплотиться души, которые поведут будущее развитие к его последующим стадиям". Говорящие по-английски оккультисты знают, что им придётся отказаться от тел, которые возникают в среде их собственных народов, и потому они стремятся к господству над народами, которые могут дать тела, с помощью которых развитие Земли может быть проведено в будущее.

Американские оккультисты знают, что только в том случае, если они приобретут господство над русским народом, в телах которого в будущем разовьются задатки к евгеническому оккультизму, постепенно установится социальная связь между их отмирающими расовыми особенностями и прорастающими психическими, расовыми особенностями европейской части России, и что только в этом случае они смогут, перенести в будущее то, что хотят перенести.

Теперь я должен рассказать вам о третьей способности, которая сегодня ещё скрыта, но которая будет развиваться. И тогда нам будут известны все три: материальные оккультные способности, евгенические оккультные способности и *гигиенические* оккультные способности. Эти гигиенические оккультные способности находятся на добром пути и не заставят себя долго ждать. Эти способности созревают лишь через одно понимание того, что человеческая жизнь, какой она протекает от рождения до смерти, представляет собой процесс, совершенно идентичный процессу болезни. Процесс болезни есть именно лишь специальное, радикальное преобразование совершенно обычного, нормального жизненного процесса, протекающего между рождением и смертью; мы бываем здоровы лишь потому, что кроме сил, вызывающих болезнь, мы носим в себе оздоравливающие силы. И эти оздоравливающие силы — об этом знает каждый оккультист — являются абсолютно теми же самыми силами, которые человек применяет, когда вырабатывает оккультные способности, когда он эти силы преобразует в познание. Преобразование внутренне присущих человеческому организму исцеляющих сил в познание даёт оккультное познание.

Тем, знающим в тайных кругах на Западе, опять же, известно, что в будущем материалистическая медицина не будет иметь под собой никакой почвы. Ибо, когда разовьются гигиенические оккультные способности, больше не станут пользоваться внешней материальной медициной, но появится возможность любую болезнь, не обусловленную кармическими причинами, а потому не поддающуюся лечебному воздействию, излечить, предотвратить чисто физическим путём — профилактически. Сейчас это может показаться просто фантазией, но очень скоро это станет действительностью.

Случилось так, что эти три способности разовьются не сразу у всех народов Земли. Вы уже видели, что имеет место подразделение. Это подразделение, естественно связано с телами, не с душами, которые ведь постоянно переходят из расы в расу, из народа в народ; но с телами оно имеет много связи, это подразделение. Из тел англоговорящих народов ни в коей мере не могут развиваться предпосылки к тому, чтобы через рождение приобрести в будущем евгенические оккультные способности. Эти способности будут применены на Западе, но они будут там применены благодаря господству над странами Востока и заключению браков между людьми Востока и Запада; будет использовано то, что смогут испытывать только люди Востока.

К гигиеническим оккультным способностям особенно предрасположены люди Средней Европы. И дело обстоит так, что англоговорящие народы не смогут развить через врождённые способности гигиенического оккультизма, но в ходе времени, в ходе развития между рождением и смертью они эти способности смогут выработать. Эти способности могут быть выработаны. И, опять-таки, у народов Средней Европы не будет врождённых способностей к евгеническому оккультизму, которые у народов на восток от Рейна и далее в Азии будут иметься от рождения, но в ходе жизни они их смогут усвоить, если будут этому учиться у народов Востока. Так будут распределены эти способности. Люди Востока не будут иметь никаких способностей к материальному оккультизму; они смогут получать его только извне, если им его кто-то даст, если его не скроют от них. А всегда будут находиться способы скрывать его, тем более, что всегда имеется достаточно людей, допускающих глупость не верить тому, кто способен видеть эти вещи.

Итак, люди Запада и Востока и Средней Европы смогут получить материальный оккультизм от Запада. Они будут также наделены земными благами — продуктами. Гигиенический оккультизм — он будет развиваться в Средней Европе, евгенический — в странах Востока. Но между людьми должно развиваться общение. Это должно быть воспринято социальными импульсами будущего; это делает необходимым, чтобы в будущем на Земле была только общечеловеческая жизнь. Ибо, если американец захочет жить только как американец, то наибольшее, чего он сможет достичь — это материального эффекта, но при этом он осудит себя на то, что будет совершенно не в состоянии пробиться к общеземному развитию. Если он не будет искать социальных отношений с Востоком, то он осудит себя на то, что его душа после какой-либо инкарнации так свяжет себя с земной сферой, что подобно призраку останется связанной только с этой земной сферой. Земля могла бы быть вырвана из её космических связей, и тогда все эти души были бы вынуждены остаться призраками.

Люди же Востока, если бы они не смогли в будущем воспринять в дополнение к своим евгенически-оккультным способностям того, что притягивает к Земле — материализм Запада, — то они потеряли бы связь с Землёй. Они тогда были бы втянуты в какое-либо психически-спиритуальное развитие и утратили бы земное развитие; Земля тогда как бы исчезло под ними, и они не смогли бы получить плодов земного развития.

Между людьми должно развиваться доверие в глубочайшем смысле этого слова. К этому взывает особое человеческое развитие в будущем. Вообще говоря, тайным центрам Запада подобает в рассудочном смысле заниматься только теми вещами, которыми они могут заниматься. Это совсем не дело Запада особенно засматриваться на то, что развивается на Востоке, сточки зрения людей Востока; что развивается у других, другим должно быть и предоставлено. Нужно очень и очень глубоко запечатлеть в душе, что здесь достигается та грань, где понятия вины, невинности и им подобные, вообще теряют своё значение, где речь идёт только о том, чтобы вещи принимать в их глубочайшем смысле, со всей серьёзностью, ибо они содержат знание, единственно способное провести человечество в будущее.

Очень важно эти вещи рассмотреть вполне определённым образом. Ибо обдумайте только, что по всей Земле, разделёнными согласно трём типам совершенно разных людей Запада, средней Европы и Востока, развиваются три вида оккультных способностей, которые, в то же время, и взаимно переплетены определённым образом, так что люди на Западе имеют задатки к материальному оккультизму от рождения, но могут выработать в себе способности к гигиеническому оккультизму; люди в Средней Европе обладают, преимущественно, врождёнными задатками к гигиеническому оккультизму, но если им помогут, они смогут приобрести с Запада материальный оккультизм, а с Востока —

евгенический оккультизм; люди на Востоке имеют врождённые задатки к евгеническому оккультизму, но от Средней Европы они могут приобрести гигиенический оккультизм. Эти способности выступают в земном человечестве дифференцировано и, в то же время, взаимно переплетаясь. И их взаимопереплетённостью будут обусловлены социальные связи в обществе будущего по всей Земле.

Но имеются препятствия к развитию этих способностей; они многообразны и их действие крайне сложно. Так, например, для людей в странах Средней Европы и в странах Востока значительным препятствием к сознательному развитию способностей, которые должны прийти, может послужить сильная антипатия к людям западных стран, если они не смогут эти вещи рассматривать объективно. Это является препятствием к развитию таких способностей. Но задатки к позднейшим оккультным способностям могут даже усилиться, если они будут развиваться из некой *инстинктивной ненависти*. Это совершенно исключительное явление. Заметьте себе, часто спрашивают — здесь мы касаемся такого, что должно быть рассмотрено совершенно объективно: — так почему же, собственно говоря, в западных странах так бессмысленно негодуют? — А, как раз, с той целью, чтобы эти способности усилить, исходя из инстинкта. Ибо ничто так не способствует тому, что заложено в глубочайших импульсах западного оккультизма, как развитие ложного, но как бы свято переживаемого чувства, представляющего людей Востока и Средней Европы как "варваров". Развитию задатков материального оккультизма способствует, например, то настроение, которое в Америке называют "настроением крестового похода". Оно основано на мнении, что Америка призвана нести миру свободу, право и, я не знаю, какие ещё прекрасные вещи. Люди верят, что это разумеется само собой. Здесь речь не идёт о каком-либо обвинении. Люди верят, что они несут крест. Но как раз в том, что верят в ложь, и содержится определённого рода опора. А если ложь утверждали сознательно, то не было бы и этой опоры.

Так, с одной стороны, ныне происходящее оказывается бесконечно полезным, а с другой — мешает развитию как раз тех способностей, о которых можно сказать, что у большинства людей они сегодня ещё скрыты, но они хотят развиваться по отношению к будущему и что они глубочайшим образом будут включены в социальную структуру людей в будущем.

Вы только представьте себе, как озаряется, насыщается пониманием, как делается прозрачным всё то, что совершается в современности, если Вы примете во внимание эти подосновы, если Вы воспользуетесь знанием того, что за всем тем, что сознательно говорится сегодня, лежат соответствующие сегодняшним сообщениям подсознательные инстинкты!

Но важнейшим фактом при этом является тот, что благодаря совершенно особым процессам эволюции именно англоговорящие народы имеют оккультные центры, знающие эти вещи, знающие, какие способности они будут иметь в будущем, благодаря принадлежности к народам, говорящим по-английски, а какие способности им будут не даны, и потому знающие также и то, какую социальную структуру они должны ввести, чтобы и те, не данные им способности, поставить себе на службу.

Но в подобном направлении действуют и инстинкты, и эти инстинкты уже действовали, они действовали очень значительно, они действовали чудовищно.

Особенно эффективным средством, если хотят развитие ввести в ложный фарватер, где можно влиять с помощью знаний западных оккультных центров, является обработка Востока в том направлении, чтобы он свои старые склонности развивал чисто религиозно, избегая всякого знания, и придерживался бы этого и в будущем. Вожди западных тайных кругов позаботятся о том, чтобы существовала просто наука и отдельно он её — религия, чтобы синтеза религии со знанием, взаимодействия веры и знания там не было. Но они позаботятся также и о том, чтобы та наука, которая в другом случае также переходит в содержание религии, действовала лишь втайне, чтобы она элементарным образом пронизывала важнейшие дела человечества, политическое водительство Земли, имеющее целью обеспечить британское мировое господство. Колоссальную помощь этому распространению мирового господства оказало бы то состояние, при котором страны Востока свои религиозные представления не стали бы пронизывать наукой.

А теперь подумайте о том, насколько все русские идут навстречу как раз этим стремлениям Запада. С одной стороны, в России сегодня ещё живо стремление к благочестию, но при этом не хотят благочестие пронизать духовным знанием, а хотят пребывать в некой туманной мистике. Эта туманная мистика есть как раз желаемое средство для достижения господства Запада над Востоком.

С другой стороны, дело ведут к тому, чтобы науку на Земле сделать в возможно большей степени атеистической. И в этом отношении особенно плодотворна деятельность именно культуры англоговорящих народов в новейшее время. Этим англоговорящим народам, поистине, не на что жаловаться. Они достигли невероятно много, ибо своё научное направление, безрелигиозную науку, атеистическую науку они распространили по всей Земле. Она стала госпожой всей Земли. А Гётеанизм, совершенно сознательная её противоположность, не может найти места даже в стране Гёте; даже в самой земле Гёте он является, в сущности, едва ли не совершенно неведомым делом! То, что господствует сегодня в науке как интеллект, направляется в том смысле, чтобы оно было внешним выражением целей, которые в тех кругах держатся в тайне; однако в самих тех кругах наука представляет собой синтез знания и религии. Внешнему миру должна быть дана атеистическая наука; для внутреннего же круга, который должен направлять ход мировых событий, наука является, в то же время и религией, а религия есть, в то же время, и наука.

Легче всего будет держать в руках Восток, если сохранить ему *безнаучную религию*. Легче всего держать в руках Среднюю Европу, если привить ей *безрелигиозную науку*, поскольку религия к ней не прививается. Эти вещи теми, кто, как знающие, находятся в тех кругах, осознаются совершенно отчётливо, а другие им следуют инстинктивно. И после того, как были устранены из прошлых времён силы господства Средней Европы, на их место оказалось нечего поставить. Поэтому так трудно бывает понять правильно всё всемирно-историческое положение дел современности. Весь мир захвачен вопросом о вине и невиновности в этой военной катастрофе. Но все эти вещи находят своё освещение только в том случае, если их рассматривать на фоне того заднего плана, который как действенная сила выступает во внешних феноменах. В вопросе о вине и невиновности не судят в категориях мышления, в которых привыкли судить, — этого не следует делать на том основании, о котором Вам сегодня было сообщено.

Я очень хорошо знаю о том, что сегодня, когда уже даже Вильсона называют папой XX века, в самой Средней Европе мало-помалу затемняется суждение о происхождении этой мировой войны, как это называют, поскольку не обращают внимания на постановку вопроса. Множество документов доказывает то, что я говорю. Но, рассматривая документы, нужно иметь основание. Следует, прежде всего, приобрести возможность для выработки суждения. В данном случае суждение может образовать только тот, кто в состоянии внести в эти вещи свет с той стороны Порога. Ибо я боюсь, что с помощью всего того, что, как говорится, выступает сегодня изо дня в день, пути суждения делаются всё более и более ложными, всё меньше людей желает подойти к вопросу так, чтобы этот подход мог быть плодотворным. Я думаю, у людей рождаются удивительные мысли, когда они узнают теперь из газет, например, о том — не знаю, правда это или нет, но такое могло быть, — что отставной немецкий кайзер сказал: "Я не был при том, как готовилась война, это сделали Бетманн и Ягов [*Теобальд Бетманн-Хольвег (1856—1921), с 1909 по 1917 г. — немецкий рейхсканцлер. Готтлиб фон Ягов (1863-1935), с 1913 по 1916 — государственный секретарь по иностранным делам.]. — Вы можете прочесть это в последних газетах.

Если нечто подобное действительно прозвучало из этих уст, то это просто неслыханно! Но повсюду ходят тайно сфабрикованные суждения, которые с помощью подобных вещей приводят на ложный путь. Видите ли, дело заключается, главным образом, в том, что факты должны браться совершенно точно, чтобы можно было поставить правильные вопросы. Тогда увидят, что поистине глубокая, трагическая необходимость, лежащая в основе этой катастрофы, не должна быть так же поверхностно принята во внимание, как это часто теперь происходит. Так же и поверхностные события не следует рассматривать поверхностно.

Я хочу обратить Ваше внимание на один случай, после чего Вы увидите, почему я занимаюсь такими подробностями. Некоторое время тому назад я уже показывал здесь, что в Германии имели место, собственно говоря, целые ряды событий, целые ряды фактов, которые могли вести к войне, но которые затем расстроились и не привели к ней, тогда как, фактически, то, что привело к войне, пришло из неких предпосылок довольно поздно и не стоит ни в какой связи с другими вещами. Сегодня я не хочу повторять уже сказанного в этом направлении, но я бы мог предложить вам обдумать нечто такое, из чего вы увидите, как вещи в мировой истории сцепляются и действуют как внешние симптомы, в то время как за ними стоят другие, очень значительные вещи, о которых я сегодня говорил вам.

Видите ли, можно задать такой вопрос: "Могла ли вся военная катастрофа, начавшаяся с июля или августа 1914 года, принять под влиянием определённых обстоятельств иной ход, чем это произошло в действительности?" Я сейчас не хочу вдаваться в вопрос о том, могла ли она быть предотвращена или нет, это особая статья, но я хочу поставить вопрос: могла ли эта катастрофа пойти другим путём? — Она, надо сказать, могла пойти по-иному, хотя разговор об этом задним числом имеет лишь методическую ценность. Но, судя по событиям и оккультным подосновам, можно допустить мысль, что вся катастрофа могла бы принять совсем другой ход. Судить здесь можно лишь отрывочно. И то, что я сейчас говорю, имеет, естественно, значение лишь для определённого слоя событий. Можно высказать следующее суждение. Можно сказать: вполне допустимо, что война 1914 г. могла бы начаться движением немецких армий на восток, а затем можно бы было подождать, начнётся ли, благодаря возникновению войны на Востоке, так же война и на Западе. Вполне можно бы было поступить так: двинуть основную массу немецких войск к границам России, а на Западе оставить лишь небольшие подразделения для целей обороны и подождать, вступит ли в войну Франция, которая в этом случае не имела бы никаких союзнических

обязательств. Она бы не имела никаких союзнических обязательств в том случае, если бы не объявлять войну на Востоке, а подождать, пока русские армии действительно нападут. Они бы конечно напали; в этом можно не сомневаться. Я сейчас не утверждаю, что пять лет тому назад (т. е. за год до начала войны. — Прим. перев.) не было другой альтернативы, имеющей другое направление, но в 1914 г. её не было. В этом слое фактов можно представить себе, что война обратилась бы на Восток. Такое было возможно. И в то же время, это было невозможно. Это было фактически невозможно на том основании, что не было разработано немецкого плана кампании на Востоке. Совсем не думали о том, что война может пойти каким-то иным путём, не так, что Германия будет спровоцирована к нападению на Россию, а затем по союзническому договору в войну вступит Франция, и Германии придётся тогда вести войну на два фронта.

Исходили из аксиомы, сложившейся в немецкой стратегии в начале XX столетия, что война на два фронта может быть только наступательной и никакой иной. Существовал план кампании, включавший в себя быстрое вторжение через Бельгию на запад, с целью принудить Францию к сепаратному миру — это, конечно, была иллюзия, но иллюзия, имевшаяся налицо, — а затем переброску армий на восток

Теперь я прошу вас подумать о том, чем является этот стратегический план. Он рассчитан до малейших подробностей, рассчитан по дням. Было точно рассчитано, сколько времени должно пройти от момента объявления в России всеобщей мобилизации до начала мобилизации в Германии, которая тогда уже не могла ждать больше, но должна была непременно осуществиться, как только будет дан к тому толчок русской всеобщей мобилизацией. Через день после того... через два... через три дня после того, должно было быть сделано то-то и то-то. Если промедлить лишь один день после русской генеральной мобилизации, то весь план тогда ломается и осуществить его становится невозможно. Здесь заключается нечто такое, о чём я прошу вас подумать. Здесь вкрадывается нечто такое, что оказывается решающим вне всякой средневропейской политики. А это ведь существенно, что никакой средневропейской политики не было. Ибо Бетманн говорит сегодня сплошную бессмыслицу. Можно прийти в отчаяние, когда Бетманн высказывает в немецком парламенте свои невозможнейшие, невероятнейшие вещи; но он высказывает их до сих пор. Никакой политики не было, а была одна только стратегия, стратегия, построенная на один единственный случай. В ней ничего нельзя было изменить, в ней нельзя было ничего передвинуть ни на один час.

Я прошу вас также подумать и о том, что ни у кого в Германии не было внешних побуждений желать войны и тем не менее она должна была всё же возникнуть. Не было нужды желать её. Это я попрошу вас иметь в виду. Она должна была возникнуть, но той простой причине, что совершенно автоматически, как само собой разумеющееся, в тот миг когда в России издаётся приказ о всеобщей воинской мобилизации, у немецкого военачальника, подобно стрелке на часах, указующей на двенадцать, возникает мысль: "Теперь я должен объявить мобилизацию". — И с этого момента всё совершается автоматически, не через волю, а благодаря тому, что было подготовлено в течение лет.

Совершенно автоматически вслед за русской всеобщей мобилизацией следует вторжение через Бельгию во Францию, по одной только причине, что это было найдено единственно разумным. Кайзеру сказать об этом не могли, потому что — я уже об этом рассказывал — знали: он настолько не скромнен, что скажи ему сегодня — и завтра об этом будет знать весь мир. О нападении на Бельгию он узнал, когда была произведена мобилизация. Подобные вещи происходили в массе. Эти вещи я прошу вас принять во внимание, и тогда вы сможете сказать, что не было вообще никакой нужды хотеть войны в Германии — она сама должна была начаться. Я отмечаю, что, если оставаться при этом в одном определённом слое

фактов. Естественно, вы можете обратиться к другому слою фактов, но тогда вы придёте к совершенно запутанным вопросам.

События, приведшие к катастрофе всё человечество, поистине напоминают историю бравого ректора Кальтенбруннера, которую я рассказывал вам в связи с Гамерлингом [*Роберт Гамерлинг (1830— 1889), поэт и философ]. Если вы вспомните ту историю о поэте Роберте Гамерлинге, то желая понять его, можете сказать себе: то, что действует в этой личности, проистекает большей частью из того, что он в определённый момент времени поехал в Триест в качестве учителя гимназии, а оттуда смог отправиться в отпуск в Венецию, что он смог посетить побережье Адрии. Вся внутренняя душевная структура Гамерлинга зависит от того, что он в течение десяти лет — как учитель гимназии, кем он только и мог быть, исходя из своей прежней жизни — смог прожить в Триесте на адриатическом побережье. Но как он туда попал? Я вам рассказывал, как он написал прошение, когда ещё был заместителем в Граце, предоставить ему место в Будапеште. И вот, можно подумать: он написал прошение; если бы дирекция его учла и дала своё согласие, то Гамерлинг все десять лет провёл бы в Будапеште. И поэтическая личность из него не возникла бы, он не стал бы поэтом; кто знает Гамерлинга, согласится с этим. Но почему случилось так, что он поехал не в Будапешт, а в Триест? Бравый ректор Кальтенбруннер, которому передали прошение, забыл о нём, оно пролежало в ящике его стола до тех пор, пока место в Будапеште не было занято. А когда место было занято и Гамерлинг воскликнул: — Видит Бог, как бы мне хотелось получить это место в Будапеште! — тогда бравый ректор Кальтенбруннер покраснел и заявил: — Ах, Боже, я совсем забыл, прошение лежит у меня в столе! — И Гамерлинг не попал в Будапешт. В дальнейшем, когда Гамерлинг отправился в Триест, роль бравого ректора Кальтенбруннера не окончилась, его действия возымели определённые последствия. Гамерлинг приехал в Триест и стал благодаря этому "Гамерлингом". Теперь я спрошу вас: "Так не дал ли бравый ректор Кальтенбруннер миру поэта Гамерлинга?" — Ибо среди внешних феноменов, обусловивших превращение Гамерлинга в поэта, нет никакого другого, кроме забывчивости бравого Кальтенбруннера, ректора в Граце, что в Штейермарке. Проникнуть за вещи можно только занимаясь симптоматологией. Ибо симптоматология приводит к тому, что о внешних явлениях человек начинает судить правильно и начинает видеть то, что стоит за симптомами. Это важно. Это есть то, чего мне более всего хочется достичь.

Когда смотрят на эту современную катастрофу, то обнаруживают, насколько трудно вырваться из неразберихи. Вы только посмотрите, какая огромная трудность возникает здесь. Возьмём хоть это: мистер Грей [*Сэр Эдвард Грей (1862 — 1933), английский министр иностранных дел с 1905 по 1916 год.] пытается на основании внешних документов доказать, что он совершенно не виновен в начале войны. Само собой разумеется, это можно доказать и очень легко. На основании внешних документов можно очень точно доказать, что британское правительство не виновато в том, что началась война. Но дело в том, насколько, вообще, весомы доказательства. Прийти к пониманию можно только в том случае, если вы будете так ставить вопросы, как я это делал перед вами уже в течение лет: было ли, например, в состоянии британское правительство воспрепятствовать вторжению в Бельгию? — На это вы должны ответить: — Да, было. — Ибо это есть как раз то, что я, опять-таки, требовал в моём меморандуме, чтобы миру были открыты только факты. Они бы естественным образом привели, с одной стороны, к тому, что тот господин, который теперь дезертировал в Голландию. [*Имеется в виду Вильгельм П.], уже тогда должен бы был каким-либо образом исчезнуть. Причина, возможно, заключается в том, что мой меморандум нашёл слишком мало откликов так же и среди тех, кто мог судить об этом. Но я требовал, чтобы некоторые события были описаны поминутно, одни только события, без всякой

окраски, такими, как они разыгрывались одновременно в Берлине и Лондоне в субботу между половиной пятого и половиной одиннадцатого вечера. — Вы знаете, что в субботу, в половине пятого в Берлине был подписан приказ о мобилизации.

Если эти решающие события просто описать, без примеси того, что об этом говорит мир, то *они* представят доказательство того, что нападение на Бельгию могло быть предотвращено британским правительством. Но оно его не предотвратило. Поэтому в субботу, в половине одиннадцатого вечера тот единственный приказ, противоречащий немецкой стратегии, согласно которому войска должны бы были быть удержаны от переброски на Запад и там должны были остаться лишь силы, необходимые для обороны — этот приказ не был издан и всё осталось согласно старой стратегии. Поэтому субботние события между половиной пятого и половиной одиннадцатого должны быть описаны минута за минутой, должны быть описаны одни лишь только факты. Тогда возникнет совсем другая картина, такая картина, которая, прежде всего, приведёт к правильной постановке вопросов.

Следует опасаться, что в мире удовольствуются тем, что находится в архивах; но решающие события, произошедшие в субботу с половины пятого до половины одиннадцатого, они, вероятно, никогда не выйдут из архивов в мир, поскольку они, скорее всего, и не записаны, вернее, они записаны, но не так, чтобы записи можно было найти в архивах.

Видите ли, осторожность в суждениях есть нечто такое, что так же необходимо приобрести. Если осторожность в суждениях приобретена, то она становится большой помощницей в развитии тех скрытых способностей, о которых я сегодня говорил, которые в будущем должны трояким образом развиваться в человечестве. И тогда вы так же поймёте, что, поистине, не из каких-либо интеллектуальных мыслей, из которых возникают программы, вроде той, что появилась восемь дней тому назад, может развиваться то, что я называю единственно правильным решением социальных вопросов в том смысле, в каком о подобном решении сегодня может идти речь.